

➤ R W ➤

РИМЛЯНИН
➤ПОХИ УПАДКА
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

МОСКВА
2014

УДК 611.64
ББК 84(2Рос=Рус)
Б67

Воликов Р.

Б67 Римлянин эпохи упадка и другие рассказы. – М.: Книга по Требованию, 2014. – 106 с.

ISBN 978-5-519-01712-1

Рассказы, включенные в настоящий сборник, посвящены вечной и нестареющей теме – поведению человека в ситуации предопределенности судьбы. Именно в сопротивлении предначертанному и проявляется истинная сущность человека, со всеми его недостатками и преимуществами, взлетами и падениями, с четким осознанием, в конечном счете, что есть добро и что есть зло.

Один из рассказов, «Пятак и Царствие Небесное», выдвинут в 2013 году на соискание национальной литературной премии имени Ивана Бунина.

Книга также вышла на английском языке и продается в электронном формате в самом крупном магазине книг Amazon.

Сайт www.amazon.com автор Roman Volikov.

«THE ROMAN IN A PERIOD OF DECLINE
A COLLECTION OF INTELLECTUAL SHORT STORIES»

Или по ссылке: http://www.amazon.com/DECLINE-COLLECTION-INTELLECTUAL-STORIES-ebook/dp/B00DW1WMSM/ref=sr_1_1?s=books&ie=UTF8&qid=1380176572&sr=1-1&keywords=Roman+Volikov

УДК 611.64
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-519-01712-1

© Роман Воликов

ОГЛАВЛЕНИЕ

РИМЛЯНИН ЭПОХИ УПАДКА	4
ПЛАХОВ И ПЛАХОВСКИЙ	30
ПЯТАК И ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ	42
ЖИЗНЬ ЯКОВА ЭСТЕРМАНА	56

РИМЛЯНИН >ПОХИ УПАДКА

Он сидел на скамейке около остановки 531-й маршрутки и пил из горлышка виски. На нем был зеленого цвета дождевик, зеленые же шорты и коричневые резиновые сапоги.

Стояла немыслимая июльская жара, два дня назад я отправил жену и дочку на море и в этот законный субботний выходной с чувством честно исполнившего свой долг семьянина отправился бродяжничать.

Я бросил в пакет несколько бутербродов, бутылку кока-колы, сигареты и поехал в Пахру. В тамошних местах, когда дочка была совсем маленькой, мы снимали на лето дачу. Местность была дивная, леса, чистенькие озерца, и у меня, слава богам, прорва времени до начала рабочей недели.

«Может, красотку какую подцеплю! – сладострастно думал я. Полупустой микроавтобус бойко летел по трассе. – Свобода! Надо слегка отдохнуть от семейной жизни!»

Я вышел из маршрутки и увидел это чудо в дождевике. Оно отхлебнуло виски и громко рыгнуло.

«Ну, касатик! – подумал я. – Сейчас тебя загребут стражи правопорядка».

– Вы немец?

Я оглянулся по сторонам. Кроме этого в зеленом, на остановке не было ни души. Следовательно, вопрос задал тоже он.

– Я из Антарктиды! – надменно сказал я и уже собрался переходить на другую сторону трассы.

– Я тоже так отвечал. Когда в арабских странах попрошайки доставали с этим своим: Wey from you? Wey from you?¹ С одним небольшим исключением. В моем голосе не было надменности. Я, в принципе, не националист. Чего, гондурасам тоже на хлеб зарабатывать надо. Кстати, дрябнуть не хотите? – Он покачал рукой бутылку виски. – Натуральный Malt.

«Отчего бы и не дрябнуть, – подумал я, – виски в жару тонизирует».

Он будто прочитал мои мысли: «Лучше тонизирует ром. Но я, выходя из дома, перепутал бутылки. Слеповат, знаете ли, стал».

1 Откуда ты? (англ.)

РУМЯНИН ЭПОХИ УПАДКА

oooooooooooooooooooooooooooo

Неизвестно откуда он извлек чистый пластиковый стаканчик.

– Не замерзли? – Я посмотрел на его резиновые сапоги.

– Александр Васильевич Суворов говорил: держи ноги в тепле, а голову в хладе. Я старику доверяю. Ну, со свиданьицем! Николай!

– Владимир, – представился я, и мы чокнулись.

– Не закусываю, – сказал Николай. – Пищевод должен принимать продукт в его изначальной чистоте. Я за раздельное питание: пойло отдельно, жратва отдельно.

– Военный? – спросил я.

– Бездельник, – серьезно ответил Николай.

– Хорошая и нужная профессия! – сказал я.

– Архитрудная! – без тени иронии продолжил Николай. – Я так устаю. Вот и приходится расслабляться. Накатим?

– Ну, за бездельников – это святое! – сказал я, и мы выпили. – А живешь-то на что?

– Ворую понемногу, – бесхитростно сказал Николай. – Да мне и надо всего ничего: виски, ром, кальвадос хорош осеннею порою, когда суставы ломает. Ну, там еще колбаски, хлебушка, икорки иногда. Домработнице платить надо, чтобы убиралась и стирала. В общем, все предельно скромно и незатейливо.

– Да уж, действительно. Еще такой сущий пустяк, на яхте иногда прокатиться по океану.

– Нет. У меня морская болезнь. Качку не переношу.

У меня слегка затуманило в голове, то ли от выпитого виски, то ли от этого бредового разговора.

– Ларьки грабишь?

– Нет, банки.

– А почему не церкви?

– Отбирать надо то, что мешает людям жить. А это деньги. А деньги – в банках.

– Мне деньги не мешают, – сказал я. – Наоборот, даже очень нужны.

– Тебе нужны, другим нет. Я же немного ворую. Кому очень надо, тому останется.

– Понятно! – сказал я, хотя совсем ничего не понял. – Выпить еще есть?

Мы чокнулись.

– А церкви не грабишь, потому что бога боишься?

– Нет, не боюсь. Но он сильнее. Зачем карабкаться по лестнице, которая все равно рушится вниз. Не люблю я эти теологические раз-

РОМАН ВОЛИКОВ

oooooooooooooooooooooooooooo

говоры. Теология – мертвая наука. – Николай поставил пустую бутылку на землю. – Ты пить еще будешь?

– Буду! – сказал я. Потенциальная красотка махнула крылом и исчезла за горизонтом. – Где тут магазин?

– Пошли ко мне домой, – сказал Николай. – У меня лучше, чем в магазине.

«Вроде не гомик», – подумал я и сказал: – Пошли. Далеко до твоего дома?

– Четыре километра триста шестьдесят два метра. Если по прямой через лес. Если по объездной дороге, четыре километра девятьсот пятьдесят четыре метра.

– Откуда такая точность? – удивился я.

– Чтобы сродниться с землей, ее надо мерить шагами. Пошли, выпить охота.

Дом был огромный, четыре этажа, массивное крыльце с псевдоантичными колоннами, украшенными резьбой, напоминающей то ли арабскую, то ли еврейскую вязь.

– Санскрит, – сказал Николай. – Сам изречения вырезаю, когда не пью.

Одна из колонн действительно была незавершена.

– Пойдем, парк покажу! – Николай решил проявить гостеприимство.

Территория вокруг дома, соток пятьдесят по моим прикидкам, была окружена двухметровым забором и невопад засажена фруктовыми деревьями. Лужайки между деревьями, правда, были аккуратно подстрижены.

– Я тут английский парк хотел разбить, – Николай стоял ко мне вполоборота. – Но садовод из меня никудышный. Бросил на полдогоре. Но траву стригу.

– Когда не пью! – добавил я.

– Нет, – сказал Николай. – В этом деле регулярность нужна, а то зарастет, трактором не выдерешь. Моджахедов зову. – Он показал на видневшийся недалеко коттеджный поселок. – Две тысячи, и все в ажуре.

Мы вошли в дом. И кухня, и комнаты были чистенькие, я бы даже сказал, вылизанные, во всяком случае, на первом этаже. Образцовый порядок нарушали только там и сям разбросанные книги.

– Ты что, писатель? – начал догадываться я.

– Нет. Читатель. Писателей сейчас пруд пруди, – сказал Николай. – А кто их читать будет? Вот я и читаю. Садись в кресло в ка-

РІМЛЯНИН ЭПОХИ УПАРКА

oooooooooooooooooooooooooooo

минной комнате. – Он показал направление и нырнул вниз, по всей вероятности, в подвал.

По дороге я прозрел и теперь терзался запоздалым раскаянием: «Черт меня занес к этому чудику! Сейчас бы лежал на берегу озерца, грел бока, авось, девчонки какие прискакали бы от жары спасаться!»

Николай появился передо мной с ящиком, заполненным разномастными бутылками:

– Что будем пить?

– Раз уж начали с виски, давай и продолжать, – я не стал оригинальничать. – У меня тут в пакете бутерброды есть. Будешь?

– Попозжа! Алкоголь вещь калорийная. Курево есть, и слава богу. Мы выпили.

– Чем занимаешься? – спросил Николай.

– В строительной фирме работаю. Инженер по эксплуатации подъемных агрегатов.

– Хорошее дело, – констатировал Николай. – Но гиблое.

– Это почему гиблое? На наших объектах никто не погибал.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, – сказал Николай. – Это вопрос времени. Современные строители не знают, как строить, и поэтому здания рушатся с завидной регулярностью. Накатили?

Вообще, я пьянку хорошо переношу, все-таки профессиональный строитель, но в данном случае меня развезло. «Жара действует!» – подумал я.

– Слушай, ты не прав! – сказал я, четко понимая, что мысли в моей голове несутся быстрее, чем плохо поворачивающийся язык. – Я вот окончил строительный институт, не с отличием, конечно, но свое дело знаю.

– Дело ты знаешь, – спокойно ответил Николай. – А как строить, – нет.

– Ну, расскажи мне, как надо строить. – Я начал заводиться: «Валить отсюда надо, а то, чувствую, мордобоем дело закончится».

Николай сделал большой глоток, поудобнее устроился в кресле и пояснил:

– Любое строительство начинается с жертвоприношения.

– Чего?! – Алкоголь подействовал неожиданным образом, и я начал хохотать, как умалишенный. – Таджика зарезать и в фундамент положить? Или лучше директора фирмы?

– Я говорю о жертве духа, – невозмутимо сказал Николай.

РОМАН ВОЛИКОВ

oooooooooooooooooooooooooooo

– О-о-о! Может, тебе харэ сегодня пить?

– Об этом поговорим утром, – Николай достал из ящика вторую бутылку. – Предлагаю перейти на ром. Этот благословенный напиток прочищает мозги и устраниет полипы из носа, как утверждала героиня одного из романов Ремарка.

– Ром так ром! – Нелепость происходившей ситуации вдруг успокоила меня, и я отдался плавному течению событий. «В конце концов, ты же искал приключений...» – И чего там твой дух требует? – спросил я. – Какую еще жертву?

– Дух не мой. И не общий. Он единый, – с естественной невозмутимостью лектора продолжил Николай, будто непослушные ученики просто заставили его сделать короткую паузу. – Вкратце можно сказать так – универсальный Дух. Собственно, термины применяются разные: великий Брахман, Дао, Храм Соломона, Триединство Сущего, но херня одна: откуда вышли, куда вернемся и в чем живем.

– Ты не сектант, случайно? – спросил я.

– Нет, – сказал Николай. – Я вообще в бога не верю, в современном смысле, конечно. Я говорю о том, что деградация существующей цивилизации заключается в том, что миром окончательно стала править борьба противоположностей, а они, эти противоположности, в высшей своей форме едины, и поэтому перед тем, как строить, надо слиться в одном порыве с образом здания и, фигурально говоря, умереть в нем, чтобы возродиться, когда оно будет закончено. Это и есть жертва духа. Тогда дом будет стоять вечно.

Я выпил рома:

– Может, все-таки пожрем. У меня чего-то под ложечкой засосало.

– Закончим тему и пойдем жарить яичницу с беконом, – сказал Николай. – Разговор нельзя прерывать на полпути. Иначе останки слов разлетятся по округе и будут смердеть.

– Это серьезно меняет дело, – сказал я. Николай промолчал. «Да, с юмором у дядьки трудно!» – подумал я. На вид Николаю было около шестидесяти, но у него был тот странный тип лица, когда то ли от освещения, то ли от мимики возраст неуловимо ускользал от точного определения. Седых волос у Николая не было по той простой причине, что и череп, и лицо, и грудь, и руки, и ноги были тщательно выбриты.

– Мне шестьдесят семь лет, – сказал Николай. – Но кроме статистического факта это ничего не означает. Можно быть мудрым в двадцать лет, и бараном в восемьдесят. Разговоры о старческом

РИМЛЯНИН ЭПОХИ УПАДКА

oooooooooooooooooooooooooooo

маразме, равно как и юношеском максимализме, не более чем, жалкая попытка окружающих объяснить то, чего не понимают. Человек рождается, живет и умирает с одним стержнем в душе, а вот каков этот стержень: золотой или оловянный, рассказать доступными человеческому языку средствами практически невозможно.

Я почему-то вспомнил своего начальника, Павла Николаевича. «Вот редкостный дуболом. Его бы точно на ближайшем объекте в жертву принести...»

– Но дома все равно не стоят вечно. Хоть этим египетским пирамидам сколько-то там тыщ лет, но и они рано или поздно рассыпятся в прах. Вечного ничего не бывает.

– Мы подошли к важнейшему пункту, – торжественно сказал Николай. – То есть к пониманию относительности. Люди любят бросаться расхожим выражением: все в этом мире относительно, но вряд ли отдают себе отчет, что это значит на самом деле.

– Да помрем все когда-нибудь! – брякнул я. Мое опьянение явно вошло в стадию веселья. – Будет праздник смерти: поминки и духовой оркестр.

– Ничто не уходит в никуда и не возвращается до срока, – несколько мелодраматично сказал Николай. – Впрочем, если отбросить пустоголовую риторику, относительность соответствует тому человеческому времени, когда еще не окончательно исчезла склонность к созерцанию. Когда землю вместо людей заполнят клоны, рухнут и пирамиды по простой причине ненадобности.

– Я, конечно, пирамиды не строил, – сказал я. – Да я вообще мало где был. Но по телевизору смотрел как-то фильм про этих, с острова Пасхи. Фантастика, конечно, как они свои многотонные каменюки таскали. И главное зачем? Сколько их там было, этих аборигенов несчастных. Я понимаю, в Китае миллионы рабов Стену строили. А здесь-то? Объясните, господин профессор!

– Они просто знали, зачем это делают, – сказал Николай. – И поэтому делали. Когда известен ответ, вопросов не задают.

– Чего-то непонятно мне, – пробурчал я. – Ты по-русски объясни, по-человечески.

– А может, ты предпочитаешь латынь или ахейский? – улыбнулся Николай. – Знания древних были цельными, не делились на отдельные науки, и поэтому они видели процесс одновременно во всем объеме. Научно-технический прогресс по сути является разбитым зеркалом, осколки которого предельно искажают действительность. Пер-

РОМАН ВОЛИКОВ

вым это зафиксировал как данность Аристотель, закончил Картензий.

— Короче, сугубо этот Аристотель, — сказал я. — С него, гада, атомная бомба началась.

Кто такой Картензий я, честно говоря, не знал.

— Я ценю твое чувство юмора, — сказал Николай. — Но, к сожалению, движения миров во вселенной нечувствительны к человеческим эмоциям. И потому улыбка Шивы в индуистских храмах скорей грустная, чем оптимистичная.

— Не был, — сказал я. — Но буду. Поднакоплю деньжат и поеду с семьей в Гоа.

— Впрочем, нам пора перейти на сладенькое, — Николай достал из ящика очередную бутылку. — Beherovka, отменная травяная настойка. Благотворно влияет на желудочно-кишечный тракт, как утверждал ее изобретатель чешский доктор Бехер. И которую, как гласит надпись, видимо специально для русских туристов, в одной гостинице в Карловых Варах, следует пить рюмку до обеда и рюмку после обеда, а не бутылку вместо обеда. Но мы не поверим гостиничным работникам, и будем честно шмалить всю бутылку.

Beherovka подействовала мягко и взбадривающе. Я решил сменить тему, хотя бы для того, чтобы понять, куда я, собственно, попал.

— Один живешь? — спросил я.

— Один, — сказал Николай. — Жену убил и съел. Нет, закопал в саду, — Николай сделал страшное лицо. — Хочешь, покажу место?

«Да! Совсем плохо у дяденьки с юмором», — подумал я.

— Тоскливо, наверное, одному на таком пространстве жить?

— Тоскливо бывает вообще жить, — сказал Николай. — Пространство здесь ни при чем, чистой воды самообман. Лично мне не тоскливо. Скажу больше, эти стены защищают мое ego от убогости жизни.

— Если тебе наша жизнь такая убогая, продай дом и живи во Франции. Или на Пелопоннесе. — Настойка пробудила во мне патриота. Про Пелопоннес я, правда, сказал так, ради красного словца: бухгалтерша из нашей конторы ездила туда в отпуск и показывала фотографии — красота необыкновенная!

— Римские императоры эпохи упадка одно время взяли моду менять столицы. Нерон постоянно жил в Остии, на берегу Тирренского моря. Другие держали двор в Медиалануме, нынешний Милан. Константин вообще перебрался через Босфор в Византий, переименовав его в свою честь. Вечный город в эти века превратился почти что в периферию. Но не помогло.